

ОПРОВЕРЖЕНИЕ БОГОСЛОВИЯ НАСИЛИЯ

Что такое богословие насилия?

Богословие насилия – это богословие, оправдывающее применение насилия в богоугодных целях. Оно пытается доказать, что у Бога нет иных способов достижения Своих интересов в этом мире, как посредством использования средств принуждения, будь они физические или психологические, естественные или сверхъестественные. Альтернативная этому взгляду точка зрения такова: Воля Бога не только выражается в осуществлении Его действий, но и в наделении их нравственным смыслом и разумном оправдании.

Богословие насилия не следует отождествлять с богословием силы. Божья честь отличается от присущих обычным смертным гордости и препирательствам. Богу нет нужды «доказывать» Свое превосходство над людьми, поскольку это было бы равнозначно Его уязвимости. Бога нельзя уподобить восточному деспоту, ревностно оберегающему свои prerogatives власти при помощи жестоких расправ с любой оппозицией, у которого не существует различия между наказанием справедливым и своевольным.

Нам с детства известна русская басня «Слон и Моська» И.А. Крылова (кстати здесь вспомнить и другую – «Волк и Ягненок»). Она очень подходит для описания поведения Бога по отношению к угрозе Его власти. Слон спокойно реагирует на непрекращающийся лай неугомонной собачонки. Такой образ Бога вполне понятен и естественен, поскольку Он обладает не только силой, но и благородством. Когда же Творца миров изображают безудержно ревнивым властителем, не позволяющим никому в Его владениях рассуждать иначе, чем Он, тогда смысл басни кардинально изменяется: слон начинает метаться из стороны в сторону, пытаясь растоптать величественно молчашую Моську, которая лишь игриво уклоняется от Его посягательств. Воистину, уверенности в своей силе у слона тем больше, чем больше он дает свободы Моське.

Тем не менее сторонникам богословия насилия ближе по духу разговор о формальных признаках власти – «правах» Бога. Это позволило им обосновать тезис об абсолютной власти Бога, не ограниченной моральными Его качествами. В данном богословии Бог не только *может* делать, но и исключительно *совершает* в этом мире все, включая страдание и зло. Он не может терпеть рядом с Собой никакой другой воли, никакой другой свободы, даже в форме неосуществимого желания.

Так грехопадение Бог не допустил, а причинил, поскольку это демонстрирует Его власть над людьми. Сатана пал с Его не позволения, а принуждения. И, наконец, среди всех людей некоторые по Его суверенной воле не смогут избежать гибели. Их грехи здесь не причем, ведь весь вопрос во власти. Разумеется, сторонники богословия насилия не решаются говорить об этом столь откровенно, однако их представление о неотразимости Божьих действий в этом мире не допускает иных выводов.

Возникновение богословия насилия

Впервые, если не брать во внимание силовое насаждения христианства императором Феодосием, данный тип рассуждений появился у средневекового теолога Августина Гиппонского (354-430), кстати, юриста по профессии. Этот африканский епископ выступил с одобрением примененного императором силового подавления еретиков-донатистов. После объявления вне закона донатистов, Августин в 412 году заявил еще нечто странное: насилие в этом мире спасет еретиков от вечного наказания в мире будущем. "Многих нужно призывать к их Господину с помощью розог земных наказаний как дурных рабов и беглых невольников... Почему бы церкви не принудить своих заблудших детей вернуться к ней, коль эти заблудшие дети сами используют

силу, чтобы погубить других" (Письмо №185).

Этим этот гиппонский епископ освятил и санкционировал использование католической церковью принуждения по отношению к инаковерию и неверию в виде средневековой инквизиции. Таким образом Августин первым в истории христианства заявил, что Бог принуждает людей к спасению: «Сия благодать, даруемая тайно сердцам человеческим по Божественной щедрости, никаким жестоким сердцем не отвергается» («О предопределении святых», 8.13). Получалось, коль Бог принуждает к спасению внутренне, христианин имеет право принуждать к нему внешним образом.

Создав из поддающихся специфическому истолкованию текстов Писания понятие все преодолевающей благодати, Августин столкнулся с вопросом объяснения случаев, когда воля Божья не достигалась (Мф. 23:37; Лк. 13:34; 1 Пет. 2:15; 5:16-18; 2 Пет. 3:9; Рим. 12:2; 1 Фес. 4:3; 1 Тим. 2:4). Не зная, как разрешить эту трудность, Августин предположил, что Бог решил спасти не всех людей, а лишь некоторых, в жизни которых Он и не проявляет настойчивости. Отсюда и его учение об избрании: «...становятся избранными: не те, кто избирается, потому что уверовал, но кто избирается, чтобы уверовать» («О предопределении святых», 17.34).

Коль противиться благодати Божьей невозможно, избранный не может отпасть от Бога (см. «О даре устояния», 1-33). Неотразимость благодати означала и то, что не существует такого понятия как допущение, поскольку Бог все лишь причиняет и не может позволить существовать тому, что противоречит Его воле. Но как же быть с грехами избранных? Августин ответил от имени Бога: "Ты хочешь грешить? Ладно, делай то, что тебе нравится... Только лица Моего не увидишь ты никогда" («Толкование на Псалом 127», 9). «Никогда», в его понимании, значило «никогда на земле».

Так было положено основание богословию насилия. Один из приверженцев этого учения Луис Беркоф, нисколько не смущаясь, цитирует высказывание Каниса о новаторской его сути: "Это является достоверным фактом, не знающим исключений и признанным всеми знатоками в этом вопросе, что все доавгустинские Отцы учили, что в усвоении спасения существует сотрудничество свободы и благодати" (Л. Беркоф. История христианских доктрин. – СПб. – 2000. – с. 227).

От преследования католического к преследованию протестантскому.

Учение Августина получило развитие в период Реформации и связано с личностью Джона Кальвина (1509-1564). Выходец из Франции, Кальвин получил приличное образование в Париже и Орлеане. С 1533 года, когда он примкнул к Реформации, он долго искал безопасного пристанища в Европе. Вскоре он опубликовал принесшее ему известность сочинение «Наставления в вере» (1536), составленное в духе ветхозаветной теократии. Кальвин многократно переделывал эту работу, пока она не приняла окончательный вариант в издании 1559 года.

Касательно предмета нашего размышления Кальвин считал, что светское государство должно быть полностью подчинено руководству церкви. В этом он сильно отступил от Августина, поскольку тот допускал возможность лишь частичного сотрудничества церкви и государства. У Кальвина же власть, не желающая опекать церковь, не могла считаться законной, то есть богоугодной. Этими же мыслями была переполнена и брошюра зятя Кальвина, Теодора Беза, направленная на оправдание физического преследования и казни еретиков.

Возглавив женевскую протестантскую общину в 1541 году, Кальвин приступает к воплощению ветхозаветного идеала построения царства Божьего на земле.

По Кальвину, неотразимость Божьей воли означала, что новую жизнь уверовавший человек должен получить сразу же и в максимальном своем выражении. Если этой разительной перемены на наступало, такового считали «изначально невозрожденным» человеком. По этой причине Кальвин разработал подробную регламентацию жизни находящихся в его подчинении людей и беспримерную «духовную» дисциплину в Женеве.

Под угрозой наказания отвергались как греховные излишества любые проявления развлечений, вплоть до громкого смеха на улице или ограничения в еде и одежде. Театры

опустели, искусства пришли в упадок. Естественное течение жизни утратило жизненный пафос. Все были охвачены страхом возможных преследований, поскольку по городу рыскали специализированные отряды сыщиков, чье благополучие зависело от количества обнаруженных ими нарушителей. Люди стонали от такой «христианской власти» как от любого другого диктатора, а все их «освящение» было явно вынужденным страхом наказания.

За период 1542-1546 годов в Женеве с одобрения Кальвина было вынесено 57 смертных приговоров и 76 постановлений об изгнании из города осмелившихся прекословить его взглядам. В одном лишь 1545 году более 20 мужчин и женщин были сожжены на костре по обвинению в колдовстве и ереси. Остальные провинности карались более гуманно – через обезглавливание, утопление, высылка, конфискация имущества, бичевание, штрафы и т.д. Численность подвергшихся различного рода наказанию исчислялась сотнями людей, при том что сама Женева имела население порядка 16 тыс. человек. К 1555 году Кальвин подвергает казни или изгоняет из города оппозицию и становится единовластным «женевским папой». Его мнение о подчинении государства церкви стало безоговорочным.

Как это могло случиться, что богослов, прекрасно понимающий запрет Нового Завета на физическое преследование еретиков (Мф. 13:24-30,36-43; Ин. 12:47; 15:18-20; Иуд. 9; Гал. 1:8-9; Тит. 1:9-11), мог написать следующие слова: «Тот, кто сомневается в справедливости приговора еретиков и богохульников к смертной казни, вольно или невольно разделяет с ними их вину. Речь идет не о человеческих полномочиях – так говорит Бог, устанавливающий вечную власть Своей Церкви» (цит. по: Schaff. *History of the Christian Church*. Vol. 3. P. 791).

Комментируя текст Мф. 13:38, Кальвин писал вопреки очевидному смыслу, что «поле есть церковь», поскольку именно это ему и нужно было увидеть в нем: хотя в церкви «вырывать плевелы» нельзя, можно – в мире. Таким образом право казнить еретиков родоначальник кальвинизма основывал на убеждении, что положение predetermined к гибели неизменно, от них нельзя ожидать никаких изменений и раскаяния, потому что «так говорит Бог». Мало того, у Бога нет средств наказать виновного, как только руками и властью Кальвина.

Показательно, как в 1553 году по личному настоянию Кальвина (см. его письмо к Бодуэну в 1562 году) был казнен через сожжение крупный естествоиспытатель и богослов Мигель Сервет (1511-1553). Первым обвинением ему было выдвинуто то, что он высказывал антиринитарные идеи в духе христианского унитаризма, не менее еретические, чем воззрения Афанасия Великого, отстаивавшего Троицу с позиций христианского модализма. Вторым обвинением против него было несогласие с детокрещением. При этом имущество известного ученого было конфисковано, а он сам без права защиты был брошен в тюрьму, где провел три с половиной месяца при унижительном обращении с целью отречения.

Обвинение в отрицании Троицы было лишь косвенной причиной, поскольку антиринитарные свои труды Сервет написал ранее «Восстановления христианства» (1553), в котором открыто бросил вызов всему богословию Кальвина. Неудивительно, что для травли этого ученого Кальвину пришлось вступить в сговор с ненавистными ему католиками. Однако те, так и не решившись предать смерти этого ученого и медика, организовав ему побег. Однако избежав смерти от рук инквизиции Рима, Сервет не смог избежать смерти от инквизиции Кальвина.

Когда Сервет неожиданно появился в той самой церкви, где проповедовал Кальвин, он был узнал и арестован. При этом Кальвин не хотел выступить в роли его обвинителя, поскольку по тем законам он должен был сесть в тюрьму до времени выяснения справедливости выдвинутого обвинения. Боясь предать дело независимым судьям, Кальвин посадил в тюрьму своего секретаря, которого снабдил нужными для следствия материалами. Действительно, его опасения оправдались, так что, когда дело повернулось не в его пользу, он открыл свои карты, признав, что это он является подлинным обвинителем Сервета. Такой маневр сработал: городской совет отступил от своего решения изгнать Сервета из города.

Соглашаясь с просьбой Сервета о замене сожжения на обезглавливание, Кальвин преследовал ясную цель: ему хотелось, чтобы дело выглядело гражданским, а не религиозным. Тем не менее городские власти не согласились на это, сделав Сервета именно религиозным преступником, что стало глубоко символическим и обрело широкий общественный резонанс. По этой же причине Кальвин не пожелал присутствовать на казни, но поручил осуществить эту

черновую работу своему сподвижнику, Фарелю.

Умирая в пламени горящего костра, Сервет не прекращал взывать к Богу о помощи. Последний его душераздирающий крик был таким: «Господи Иисусе, Сын вечного Бога, помилуй меня!» Примечательно, что прощения Сервет просил не у Единого Бога, а у Его Сына, Иисуса Христа, Которого назвал Своим Господом. Это была самая большая его уступка христианскому учению, к сожалению, обращенная в пустоту. Сервет, всегда искавший справедливого богословского диалога с Кальвином и не побоявшийся показаться ему на глаза прямо на проповеди, теперь, находясь в пламени горящего костра, никак не мог поверить, чтобы истинный христианин мог совершать нечто подобное.

Оба и Фарель, и Кальвин до конца надеялись, что Сервет испугается сожжения живьем (римские палачи осуществляли такую казнь лишь над предварительно лишенным сознания человеком) и отречется от своих взглядов. На самом деле это им нужно было не для торжества правды, а для оправдания собственной жестокости, которую они обрушили на этого христианского еретика. Вот почему Кальвин позаботился, чтобы запоручиться мнением других лидеров Реформации, которые, однако, призвали его к менее жестокой расправе над виновным. Однако для Кальвина, охотно принимавшего других людей, весьма далеких от тринитарной ортодоксии, Сервет был ненавистен, поскольку обладал умом и характером, способными противостоять его авторитету. Изгнание из Женевы Кастеллио, свидетельствовало о том, рядом с собой Кальвин не мог терпеть одаренных и самостоятельных мыслителей, даже если их и нельзя было уличить в ереси.

Казнь над Серветом для Кальвина была делом принципиально важным. Она была призвана реабилитировать пошатнувшийся авторитет «женевского папы» от проигранного им недавно дела с Жеромом Больсеком, выступившим против доктрины предопределения Кальвина. Требование Кальвина казнить «еретика» было заменено на решение выслать этого влиятельного богослова из города. Если за Больсека было кому вступить, то ненавистный испанец по происхождению Сервет был совершенно одинок. Справиться с ним Кальвину не предоставляло никакого труда, так что он не мог противиться сопутствовавшей ему удаче.

Вскоре после насильственной смерти Сервета многие подняли свой голос против этого злодеяния. Так известный юрист того времени Пьер Буден публично высказал свое мнение на этот счет: «Я придерживаюсь точки зрения, что Кальвин не имел права возбуждать уголовное преследование из-за спорных религиозных вопросов» (цит. по: Цвейг С. Совесть против насилия. – Киев. 1989. – с. 308).

Городской чиновник Берна и ученик Эразма Роттердамского, Церхинтес писал Кальвину: «Я открыто признаю, что тоже принадлежу к тем, кто стремится уменьшить, насколько это возможно, число смертных приговоров в отношении противников нашей веры и даже в отношении тех, кто заблуждается добровольно. И что меня особенно склоняет к такой точке зрения, так это не только те места Священного Писания, но и примеры того, как поступают в этом городе с анабаптистами. Я сам видел, как тащили на эшафот восьмидесятилетнюю женщину вместе с дочерью – матерью шестерых детей, – которая не совершила никакого иного преступления, кроме того, что отказалась крестить их. Под впечатлением этого случая я стал опасаться, что судебные власти не будут держать себя в тесных рамках, в которые ты сам их хочешь заключить, и что мелкие заблуждения будут наказывать так же, как и крупные проступки. Потому мне представляется желательным, чтобы власти были повинны скорее в проявлении излишнего милосердия и понимания, нежели в решимости пускать в ход меч... Я же, со своей стороны, лучше отдал бы свою кровь, чем позволил запятнать себя кровью человека, который не заслуживает всенепременно смертной казни» (там же, с. 312-313).

Ему вторил его друг Кастеллио: «Ты казнил Сервета либо за то, что он думал, что говорил, либо за то, что он, согласно своим внутренним убеждениям, говорил, что думал. Если ты убил его за то, что он выразил свои убеждения, то ты убил его за правду, поскольку правда и состоит в том, чтобы говорить то, что думаешь, даже если заблуждаешься. Но если ты позволил убить его только лишь за ошибочность взглядов, то твоим долгом было бы попытаться склонить его к истинным взглядам или доказать ему с Писанием в руках, что каждый, кто заблуждается в отношении истинной веры, должен быть казнен» (там же, с. 336). Фактически, Кастеллио обвинил Кальвина в умышленном незаконном убийстве.

Чем смерть Сервета отличалась от смерти Яна Гуса? Неужели, если бы последний был жив и пришел бы к власти, он делал бы то же со своими врагами? Ненависть к врагам набирает наивысшего накала, когда она освящается религиозно. Смерть Сервета явилась дополнительным стимулом для преследования католиками гугенотов, выглядевших еретиками в их глазах. Однако если за злодеяния инквизиции кое-кто из духовных преемников католицизма извинился, то за злодеяния протестантской инквизиции Кальвина не извинялся еще никто. Лишь совсем недавно американский Сенат извинился за то, что в течение 100 лет не мог принять федеральный закон, который бы запрещал линчевание негров.

От преследования еретиков к преследованию инакомыслящих

Возможно Кальвин был жесток лишь к крайним еретикам, но обладал здоровой долей веротерпимости? К сожалению, нет. Кальвин не терпел рядом с собой никакого христианского инакомыслия, и это ужасает. Опыт его обращения с богословом Кастеллио, которого он довел до смерти своими бесконечными домогательствами, включающими и откровенную ложь – тому свидетельство. Кастеллио смело выступил против учения об абсолютном предопределении Кальвина. И он мог сделать это настолько авторитетно, что к его аргументам обращались многие богословы и после его смерти (Меланхтон, Корнхерт, Арминий). Это весьма сильно беспокоило Кальвина, хотя к нему и было трудно придрасться из-за исключительного миролюбия Кастеллио. Его и поставили перед судом за приверженность к веротерпимости, которая сближала его с мирными анабаптистами. Задолго до Локка и Юма он стал утверждать на право каждого верующего на инакомыслие, лишь бы оно не исключало искреннюю веру в Иисуса Христа.

Кастеллио был против того, что Кальвин узурпировал светскую власть, превратив городской совет в исполнительный орган церковных решений. Кастеллио осуждал присвоенное им право уничтожения любого христианского инакомыслия вплоть до простых искателей истины. Он был одним из немногих, кто смог публично обличить Кальвина в христианской нетерпимости, самолюбии и деспотии. Кастеллио не мог согласиться с принужденным послушанием, которого требовал Кальвин в своих «Институтах»: «Необходимо ясно охарактеризовать власть, которой должны быть облечены проповедники церкви. Поскольку они являются распорядителями и провозвестниками Слова Божьего, они могут рисковать всем и принуждать всех великих и сильных мира сего склоняться перед величием Господа и служить Ему. Они имеют право приказывать всем от мала до велика, устанавливая Божественные правила и разрушая царство сатаны, защищать агнцев и истреблять волков, увещевать и наставлять покорных, обвинять и уничтожать противников».

Кальвин считал себя единственным духовным учителем и знатоком воли Божьей: «То, чему я учу, я получил от Бога, и это придает силы моей совести... Бог даровал мне милость провозглашать, что есть добро, а что – зло». Разумеется, о какой веротерпимости могла идти речь при таком самомнении. Любить Бога Кальвин позволял верующим лишь через страх наказания. Идеолог религиозных войн, женеvский метр требовал от всех – верующих и неверующих – безоговорочного повиновения составленной им доктрине. Этот реформатор деспотического характера рассматривал всех осмелившихся прекословить его мнению как толпу неисправимых и самых отъявленных грешников, чье послушание Богу можно было выбить лишь угрозами и страхом неизбежной смерти.

Описывая это непримиримое отношение Кальвина к обычным людям, Стефан Цвейг отметил: «Тот, кто рассматривает человека в философском смысле как подобного рода неудачное и нелепое создание Бога, будучи богословом и политиком, разумеется, никогда не согласится с тем, что Бог предоставил такому чудовищу хотя бы малейшую степень свободы и самостоятельности. Значит, такое существо, испорченное и подвергающееся опасности из-за своей жажды жизни, следует безжалостно взять под опеку» (там же, с. 245-246).

Понятно, что поддерживать столь вынужденное послушание Богу нужно было при помощи тотального и жесткого контроля, включающего и частную жизнь горожан Женевы. В любое время дня или ночи в дом могли постучать представители религиозного надзора и провести осмотр личных вещей и продуктов на предмет украшений, сладостей или проведения досуга. Проверялась

длина платьев, форма причесок, умеренность в рационе. Идет опрос детей о родителях, узнается, что они читают и как проводят личное время.

Не дай Бог кто-либо где-либо засмеется, запоет, начнет играть в какую-либо игру или демонстративно будет позволять себе излишние развлечения, украшения или пищу. Девушка до пятнадцати лет запрещено носить шелковые платья, мужчинам носить длинные волосы, всем пользоваться экипажами и даже заниматься спортом. Запрещены семейные застолья с участием более двадцати человек. За столом строго определено количество и состав блюд, из которых исключены дичь, птица, паштеты, варенье. Супругам даже в день свадьбы (а также в течение последующих шести месяцев) запрещено делать друг другу подарки.

Во время общегородских богослужений сыщики Кальвина ходят по домам и поднимают с постелей людей, по каким-то причинам пропустившим службу. Они следят за тем, чтобы над пищей совершалась молитва, родившимся детям присваивались лишь библейские имена. Поскольку со всем обширным кругом обязанностей духовной полиции не справиться, народ устрашается до такой степени, что практикуется взаимная слежка и донос.

Религиозная нетерпимость Кальвина особо видна в мерах наказания виновных в нарушении этих строгих запретов. Самое малое наказание – вызов в консисторию и публичное покаяние – применялось, например, к женщине, разрыдавшейся на могиле своего мужа; мужчине, предложившего своему соседу табака или девушке, осмелившейся покататься на коньках. За улыбку во время крещения Кальвин давал три дня тюрьмы. За съеденный на завтрак паштет – три дня проживания на одном хлебе и воде. За игру в карты – позорное стояние у столба с картами на шее. За исполнение веселой музыки или громкое пение – изгнание из города. За сон во время богослужения без разбирательств причины – тюрьма. За игру в кегли – тюрьма. За ссору – тюрьма. За отказ назвать ребенка библейским именем – тюрьма. За одобрение того, что порицал Кальвин – изгнание из города.

Самые строгие наказания касались религиозных разномнений. За открытое выступление против доктрины абсолютного предопределения виновного до крови избивали на каждом перекрестке, пока он не был выдворен из города. (Если же этому учил проповедник или богослов, смерти миновать ему не удавалось. Иероним Больсек был изгнан из города в качестве исключения, поскольку вмешавшиеся в спор городские советы из других реформатских мест не разделяли крайние взгляды Кальвина). За ругательство (причем в пьяном виде) на Кальвина – изгнание из города с прожженным раскаленным железом языком. За обзывание Кальвина лицемером – смерть. Сам Кастеллио, осуществивший двойной перевод Библии на латинский и французский языки, был не допущен в консисторию за неправильное понимание двух текстов Писания (!). Вскоре он был вынужден оставить Женеву за то, что осмелился обличить Кальвина во властолюбии.

Примечательно, что страшнее наказаний Кальвина была лишь чума 1543 года: проповедники отказались от выполнения возложенной на них обязанности опекать больных людей, заявив, что «лучше они пойдут на виселицу, чем в чумной госпиталь». Впрочем, к этому не был готов и сам Кальвин, предоставив эту возможность лишь опальному Кастеллио.

Описывая диктат женевского реформатора, Цвейг пишет: «Уже за первые пять лет господства Кальвина в относительно небольшом городе тринадцать человек повешены, десять обезглавлены, тридцать пять сожжены, кроме того семьдесят шесть изгнаны из своих домов, и это не считая большого числа тех, кто своевременно бежал от террора. Вскоре все темницы в «Новом Иерусалиме» настолько переполнены, что их комендант вынужден сообщить магистрату: он больше не может принимать новых заключенных. Не только приговоренные, но и подозреваемые подвергаются столь ужасным мучениям, что обвиняемые предпочитают кончать жизнь самоубийством, нежели следовать в камеру пыток. В конце концов (городской) совет вынужден даже издать распоряжение, согласно которому заключенные днем и ночью должны находиться в наручниках, «чтобы предотвратить случаи подобного рода». Но Кальвин никогда не скажет ни одного слова, чтобы прекратить эти зверства; наоборот, по его настоятельному совету наряду с тисками пальцев и дыбой при допросе с пристрастием вводится еще и прожигание подошв ног» (там же, с. 251-252).

Как это все отличалось от того, чему учил Кастеллио: «Еретиков нельзя подавлять и угнетать с помощью внешней силы, с ними можно бороться только Словом Божиим. Поскольку ересь

явление духовное, ее нельзя выжечь земных огнем или смыть земной водой». Во свете того, что Кальвин зачислял в разряд еретиков даже любого человека, засомневавшегося в истинности его учения, избежать религиозного террора было практически невозможно. Кастеллио выступил с обвинением Кальвина в неправомочности решать религиозные споры при помощи светского суда. Решения гражданских властей не могут быть авторитетом в религиозных вопросах, а религиозный суд не может быть осуществлен рукою светского. В 1551 году он писал: «Искать правду и высказывать ее такой, какой представляешь, не есть преступление. Нельзя насильно навязывать убеждения. Убеждения – свободны».

Поскольку голос Кастеллио мог звучать лишь письменно, да и то не всегда, этот защитник веротерпимости, обращаясь к Христу, вопиял: «Я взываю к Тебе во имя Твоего Святого Отца: действительно ли Ты приказываешь топить, разрывать клещами до самых внутренностей, посыпать солью, кромсать мечом, поджаривать на медленном огне и с помощью всевозможных пыток как можно дольше, до смерти, мучить тех, кто не следует всем Твоим предписаниям и заповедям с такой точностью, как это требуют Твои толкователи? О Христос, действительно ли Ты одобряешь все эти деяния? Истинно ли Твои слуги те, кто устраивает подобные бойни, где так терзают и кромсают людей? Когда Твое имя призывают в свидетели, действительно ли Ты присутствуешь при этой жестокой резне, словно жаждешь человеческой крови? Если бы Ты, Христос, действительно требовал этого, что же тогда оставалось бы делать сатане? О, какое ужасное кощунство утверждать, что Ты как и он, творишь якобы то же самое! О сколь же низок человеческий дух, если приписывает Христу то, что может быть волей и выдумкой только дьявола!» (там же, с. 322-323).

Кальвин сделал все возможное, что труды Кастеллио никогда не были опубликованы. Большею частью ему это удалось, однако в защиту опального еретика, в адрес которого Кальвин не скупился оскорблений, становилось все больше и больше ученой интеллигенции. Самым печальным событием был переход на сторону Кастеллио маститого лютеранского богослова Филиппа Меланхтона. По этому поводу упоминавшийся выше Буден писал в Женеву: «Теперь ты можешь видеть, сколько резко осуждает Меланхтон жестокость, с которой ты преследуешь этого человека, и как далек он в то же время от одобрения всех твоих парадоксов. Есть ли действительно смысл в том, чтобы и впредь обращаться с Кастеллио, как со вторым дьяволом, и одновременно почитать Меланхтона, как ангела?» (там же, с. 344).

Между тем Кальвин несколько не уступил этим возражениям, поскольку Кастеллио посягнул на самое сокровенное в его учении – доктрину предопределения. Вот что он ответил Кальвину на ложное обвинение в воровстве, которое на самом деле было дозволенным городскими властями вылавливанием бревен, плывущих по реке: «Предположим, что это правда, и я, действительно, украл, ибо я, как ты учишь, был предназначен для этого, почему же тогда ты меня оскорбляешь? Разве не должен ты почувствовать, что Господь предопределил мне эту судьбу и лишил меня всякой возможности не красть? Зачем ты кричишь всему миру о моем воровстве? Чтобы в будущем помешать мне красть? Если я ворую не по своей воле, а вследствие Божьего предназначения, то в своих сочинениях ты должен оправдать меня ввиду принуждения, тяготеющего надо мной. В этом случае для меня было бы так же невозможно удержаться от воровства, как прыгнуть выше головы» (там же, с. 348).

Кастеллио, заслуженный профессор Базельского университета, все же был изобличен в связях с католиками и анабаптистами и посажен в тюрьму, но сердце великого христианского гуманиста не выдержало выпавших на его долю волнений, и он скоропостижно умер, так и не достигнув эшафота. Дело же его не умерло, поскольку оно было правым. Его слова о том, что бессмысленно силой заставить человека верить в то, во что он не верит, актуальны еще и сегодня, подписывая Божий приговор любому религиозному насилию.

Отрицательные последствия богословия насилия

Разумеется, вскоре городской совет изменил свое отношение к Кальвину. Начались возражения, которые в конце концов привели к ограничению его прав как религиозного лидера Женевы. Вот когда и был поднят вопрос о неподчинении противящейся Богу власти. Однако как

это неподчинение должно было выразиться? Отвергая возможность пассивного сопротивления, Кальвин заявил о том, что Бог дарует всякому подданному право на вооруженное низложение тирании.

Таким образом под давлением осложнившихся отношений с женевской магистратурой в окончательном варианте своих «Наставлений» Кальвин признал право на восстание против власти по инициативе нижестоящих магистратов. Эту идею развил его зять, Теодор Беза, обратившийся с нею прямо к народу. Отсюда богословие насилия характеризует страсть к радикальным реформам и даже революциям, неуступчивость и нетерпимость к инакомыслию, доведенные до самых крайних форм проявления.

Поскольку Кальвин отстаивал принцип природного неравенства людей – одни изначально определены на спасение, а другие на гибель – его учение представляло собой религиозную форму дискриминации людей. Существование такой пропасти между людьми неизбежно создавало ситуацию освященного Богом превосходства и вытекающий из нее кризис общечеловеческого взаимопонимания и солидарности. Избранные обречены относиться к остальным как к проклятому материалу, который можно либо уничтожить, либо использовать в своих целях.

Наконец, убежденность в собственной правоте освящала любые действия богоизбранного человека, из чего получалось, что материальное благополучие и экономический успех возводились в ранг признаков спасения. Так спасение становилось прерогативой богатых людей, а отношение к бедным расценивалось как признак проклятия, которое невозможно отменить. Сила и богатство представлялись гарантом богоизбранности, а слабость и неудачи – признаком богооставленности.

И как следствие данного положения благами земной жизни могла распоряжаться лишь религиозная элита, состоящая из людей, надеющихся на собственные умения и знания. Таким путем богословие насилия создало общество потребителей, игнорирующих ответственность и занятых исключительно растратой земных благ при молчаливом отношении к нуждам других людей. Для Кальвина разговоры, "будто милосердие важнее, нежели вера и надежда, – это лишь мечты расстроенного воображения".

Мало того, это отношение очень легко могло стать враждебным. Судя по тому, что богословие насилия как верование в подчинение идее властолюбия других качеств Божьей природы, исповедует и традиционный ислам, можно понять ту воинственность и даже агрессивность, которые практиковали его адепты. "Аллаху принадлежит вся власть! Разве не отчаиваются те, которые уверовали, что если бы Аллах пожелал, то повел бы прямым путем всех людей?" (Коран, 13:31). Между тем, часть людей вынуждена погибнуть, поскольку Аллах был против их спасения. Эта мысль в точности повторяет убеждения Августина: «Ибо если и тех восхотел бы научить, для которых слово о кресте юродство есть, чтобы они пришли ко Христу, то без сомнения пришли бы и они» («О предопределении святых», 8.14).

Связывает это богословие с исламом также и приниженное положение женщины в семье, поскольку подразумевает толкование текста Еф. 5:22-23 как лишь субординарное и всеохватное подчинение жены своему мужу, а не функциональное и ограниченное лишь духовными вопросами. Любовь здесь проявляется лишь в рамках, дозволенных властью одного супруга над другим, поскольку приверженцы силовых стимуляторов в богопочитании не могут признавать, что суверенность воли Бога обусловлена Его любовью. Любовь у них не ограничивает всевластие Божье, а подчиняется ему.

Впрочем, есть и различия между этими двумя фаталистскими доктринами: если Магомет, по крайней мере в начале своего служения, считал возможным спасение христиан, то строгие кальвинисты на основании текста Рим. 9:13 должны признать обратное по отношению к мусульманам из рода Исава. О какой миссии среди них может идти речь при таком толковании слов апостола? Оно противоречит принципу различения вопросов вечного спасения и земной судьбы.

Неудивительно, что среди христианских «силовики» так живучи идеи богодухновенного милитаризма, активного участия в политике и жесткого внутрицерковного управления. Между тем данное учение обнаруживает свою несостоятельность при первой же попытке приложения к реальной жизни. Последовательному исповеднику богословия насилия нужно лишь ожидать от Бога, когда же Он применит силу, однако на практике Бог почему-то молчит, а от Его имени эту

силу применяет сам исповедник.

Вот почему вопросы получения ответа на молитвы, которые все равно не могут изменить Божью волю, а также определения супруга жизни, являются самыми сложными для тех, кто верит в это учение. Мне лично известен один брат, придерживающийся кальвинистского исповедания, который сегодня убежден, что не пожелал жениться на Богом определенной для него сестре (не знаю, когда определенной: предвечно или непредвечно). Теперь она вышла замуж за другого, а он и до сих пор мучается, причем не над тем, что вынужден удовлетворяться «вторым сортом», а над тем, что было ли это его личной ошибкой или все же волей Божьей. Как же соблазнительно переносить свою вину на плечи Бога...

Сегодня на евангельских христиан постсоветского пространства давит учение Августина-Кальвина со всей мощью своей методологии и финансов, однако отрицательные последствия от него велики. Например, учение Августина о двойном избрании выступило против необходимости всемирной евангелизации. В своем труде «О предопределении святых» (9:18) он писал: «Там и тогда восхотел Христос явиться людям и среди них проповедовать Свое учение, где и когда, как Он знал, будут жить те, которые были избраны в Нем до сотворения мира». Эту мысль подхватили кальвинисты, уча, что нет надобности проповедовать Евангелие там, куда не занесли Его апостолы Христа. Для них было важно ограничить проповедь Евангелия, поскольку Бог не всем желает спасения.

С течением времени богословие насилия приняло самые различные формы выражения: от оправдания работорговли в США в прошлом до освящения расизма в современном ЮАР, от утопления меннонитов в Европе в период утверждения протестантизма до изгнания местных индейцев во время колонизации Америки, от установления жестких церковных правил до утверждения дел в качестве исключительного признака спасения, от оправданности наказания еретиков смертью до осуществления идеала построения «христианского государства».

Весь протестантский мир сегодня продолжает пожирать плоды этого богословия, сеющего недоверие неверующих людей к извращенному им пониманию Бога. С другой стороны, вместо ответственного отношения к собственному спасению, эти богословы сеют в умах верующих мнение о том, что их греховное поведение несколько не отразится на спасении. Этим объясняется слабость влияния христианства на общество и его неспособность противостоять секулярным тенденциям в мире.

Библейская оценка богословия насилия

Мы только что познакомились с богословием насилия. Как оно сильно отличается от традиционно христианского представления о моральном и долготерпеливом Боге, применяющем наказание лишь после проявления милостивых усилий по спасению грешников (Ин. 12:47-48). Скорый суд виновного и немедленное вознаграждение праведника является исключительным, а не закономерным поведением Бога в Писании. Обычно Господь медлит с проявлением и того, и другого: большинство грешников, как и праведников соответственно, в полном смысле наказываются и вознаграждаются лишь в потусторонней жизни. С другой стороны, Бог не принуждает, а побуждает человека как к спасению, так и к святости. Даже когда Господь наказывает грешника, Он делает это с неохотой (Плач. 3:33) и досадой (Мф. 23:37), поскольку Его цель в отношении их жизни не осуществилась.

Вот лишь некоторые из мест Писания, противоречащие тезису непреодолимой благодати (Иов. 37:23; Мф. 18:33-34; 21:43; 22:12-13; 23:37; Мк. 10:21; Лк. 4:28-29 (ср. 4:22); 8:13; 9:53; Ин. 5:40; 6:67; 8:46; 10:36; 15:5-6; Деян. 14:6-20; 26:19; Иуд. 4-6; Рим. 8:13; 10:16; 1 Кор. 10:1-12; Гал. 5:13; Кол. 1:23; Евр. 4:2; 6:6-8; Откр. 3:20). Только условностью *применения* спасения к конкретному человеку можно объяснить описанные в Библии случаи отпадения от благодати, веры и Бога (1 Цар. 10:1 (ср. 1 Цар. 9:16,17); 3 Цар. 11:4,9-10 (ср. 1 Пар. 28:9); Иер. 17:13; Иез. 18:24,26; 33:18; Мф. 10:33; 13:11-15,21; Мк. 4:17; 14:21; Лк. 8:9,10,13; 15:24; 22:32; Ин. 16:1; Иак. 4:4; 2 Пет. 2:1; 1 Ин. 2:15; Рим. 11:20-23; 1 Кор. 6:9-10; 8:11; 15:2; Гал. 5:21; Кол. 2:6-8; 1 Фес. 3:2-5; 1 Тим. 3:6; 2 Тим. 4:10 (ср. Кол. 4:14; Флм. 1:24); Евр. 6:12; 10:26-27). О непринудительности воли Божьей красноречиво говорит и желание Бога спасти всех без

исключения людей (Мф. 11:28; Мк. 16:15; Ин. 1:29; 3:16-17; 12:32; Деян. 4:12; 2Пет. 3:9; 1Ин. 2:2; Рим. 10:12,18; 11:32; 14:15; 1Кор. 8:11; 2Кор. 5:15,19; Флп. 2:6-11; 1Тим. 2:4,6; 4:10; Тит. 2:11; Евр. 2:9,15; Откр. 22:17).

Как мы видим, библейского Бога характеризует определенная терпимость к заблудшему человечеству (Лк. 13:8; Ин. 12:47-48; 1 Пет. 3:20; 2 Пет. 3:9,15; Рим. 2:4; 3:26), позволяющая Ему отсрочивать при отсутствии покаяния или отменять при его наличии Свое наказание виновных лиц (Израиль при Моисее, ниневитяне, смирение Ахава и Езекии). По этой причине Он наказывает лишь крайние проявления зла, в основном, в виде гордости (напр. Навуходоносора, Валтасара), предоставляя обычным грешникам шанс для покаяния и возможность исправления при помощи Своей силы.

Богу не нужна власть для самой власти. Он занят доказательством Своего превосходства над людьми не столько в силе, сколько в правоте. Мало того, даже в справедливом суде Он проявляет меру и терпимость. Прежде чем наказать, Господь «доказывает» неправоту грешника (Рим. 1), а мера Его наказания определяется не просто самим фактом греха, но степенью личной привязанности к этому греху. Окончательно же осуждается лишь упорное сопротивление грешника мерам Божьего исправления. Именно вызывающий грех оскорбляет Бога, меняя Его терпимость на наказание. В богословии же насилия Бог не ожидает изменения сознания грешника, поскольку Он суверенным образом решает, кому дать покаяние, а кому нет. От самого грешника это нисколько не зависит.

Таким образом Бог приготовил нам несколько лучшую долю, чем быть лишь марионетками в Его руках. Вместо этого, Он предоставляет людям время для исправления, ожидая от них покаяния и веры, потому что Он решил задействовать ввопрос (разумеется, *принятия в дар*) спасения их волю. Он сотворил ее не для того, чтобы она исчезла при первой же неудаче в борьбе со грехом. Он не принуждает ее к послушанию силой, а убеждает, укрепляет, поддерживает и воспитывает в ней добровольное послушание. Вот почему на Руси с издавна ходит пословица: «Не в силе Бог, а в правде». Принудить безвольное существо смог бы и всякий смертный, а вот переубедить свободного человека – это труд, приносящий Богу подлинную честь.

[В Читальню](#) / [На Главную страницу](#)